

ПАРТИЙНО-ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ В РЕГИОНАХ РФ: СТАБИЛЬНОСТЬ VERSUS ВОЛАТИЛЬНОСТЬ *

П.В. Панов, *Институт гуманитарных исследований УрО РАН*

Для цитирования:

Панов П.В. Партийно-электоральный ландшафт в регионах РФ: стабильность versus волатильность. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2023. – № 2. – С. 42–52. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2023.2.4>

Регионы России демонстрируют высокую степень вариативности в голосовании за политические партии на выборах разного уровня. Это объясняется тем, что в регионах с более «жестким» политическим режимом партия власти «Единая Россия» доминирует в политическом пространстве, тогда как в более «мягких» режимах имеет место определенная степень электоральной конкуренции. В данной работе на основе итогов голосования за партийные списки на выборах Государственной Думы РФ и региональных парламентов за период с 2007 по 2021 г. проанализировано, насколько стабильна вариативность партийно-электорального ландшафта в субъектах РФ, и как влияет степень доминирования партии власти на волатильность региональных партийных систем.

Исследование показывает, что наибольшую стабильность демонстрируют регионы с «жестким» политическим режимом, тогда как самая высокая волатильность региональных партийных систем характерна для регионов с наиболее «мягким» режимом. Это объясняется тем, что в большинстве субъектов РФ ни одна из партий системной оппозиции не воспринимается в качестве явной альтернативы партии власти. В результате «протестные голоса» распределяются либо между всеми оппозиционными партиями, либо уходит то одной, то другой, причем по-разному и в разных регионах, и на разных выборах. Вместе с тем, в отдельных регионах есть достаточно сильные региональные отделения той или иной оппозиционной партии, которая становится в регионе «главной оппозицией» и, как правило, получают голоса, потерянные другими партиями.

Ключевые слова: партии, выборы, регионы, политический режим, волатильность, кроссрегиональные различия.

Высокая степень вариативности политических процессов в регионах России – хорошо известный феномен, которому посвящены десятки, если не сотни исследований. Несмотря на то, что в целом партийная система с доминирующей пар-

* Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590065-5.

тией власти «Единая Россия» (ЕР) и несколькими ведущими партиями «системной оппозиции» (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» – СР) воспроизводится на региональном уровне практически во всех субъектах РФ, констелляция политических партий и результаты выборов, как федеральных, так и региональных, существенно различаются [см., например, 2; 4; 10]. Исследования показывают, что под влиянием разнообразных социально-экономических, социокультурных и иных факторов в регионах России сложились различные политические режимы [3; 5; 8]. Они отличаются по разным измерениям [1], но с точки зрения партийно-электорального ландшафта наиболее важной представляется степень конкурентности [7; 9]. Если взять в качестве точки отсчета общероссийские показатели голосования за партию власти, регионы демонстрируют отклонения (девиации) от них в противоположных направлениях. В более «мягких» режимах имеет место определенная степень конкуренции на выборах, и ЕР набирает относительно меньше голосов, чем по стране в целом. В регионах с более «жестким» политическим режимом, где политическое пространство достаточно сильно контролируется, уровень партийно-электоральной конкуренции значительно ниже и ЕР получает большую поддержку, чем в среднем по России [13; 14].

Несмотря на то, что кроссрегиональные вариации голосования за партию власти хорошо изучены, не до конца исследованным остается вопрос, насколько стабильна эта вариативность. Кроме того, не вполне ясно, как отклонения в голосовании за ЕР влияют на волатильность региональных партийных систем в целом. В поисках ответа на эти вопросы в данной работе, во-первых, проанализированы выборы разного уровня с точки зрения партийно-электоральной конкурентности, то есть степени доминирования на выборах пар-

тии власти. Во-вторых, измерена волатильность региональных партийных систем в целом, а также волатильность отдельных политических партий. Это позволяет провести кроссрегиональное сравнение стабильности versus волатильности партийных систем в регионах России в динамике (по электоральным циклам) в сопоставлении между уровнями выборов (региональные и федеральные) и по отдельным партиям. В-третьих, проанализирована взаимосвязь между партийно-электоральной конкурентностью и стабильностью/волатильностью партийно-электорального ландшафта в субъектах РФ.

Эмпирическая база исследования

Для повышения уровня надежности результатов в качестве эмпирических данных взяты выборы разного уровня и за достаточно длительный период, а именно с 2007 г., поскольку к этому времени в стране сложилась существующая до настоящего времени партийная система¹. Во-первых, итоги голосования (доли голосов в процентах) по пропорциональной системе за партийные списки 4 основных политических партий (ЕР, КПРФ, СР и ЛДПР) на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2007, 2011, 2016 и 2021 г. Во-вторых, итоги голосования (доли голосов в процентах) по пропорциональной системе за партийные списки этих же партий на выборах депутатов региональных парламентов. Поскольку региональные выборы проходят не одновременно, они были разбиты на 3 цикла, «привязанные» к выборам депутатов Думы: 1) 2007–2011 гг.; 2) 2012–2016 гг.; 3) 2017–2021 гг. Так как речь идет о голосовании по партийным спискам, из исследования исключена Москва, где, начиная с 2014 г., голосование по партийным спискам на региональных выборах не практикуется. Крым и Севастополь исключены из-за невозможности применить к ним результаты выборов до 2014 г. Таким образом, эмпирическая база исследования – ре-

¹ Источник всех данных - официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Информация о выборах и референдумах. <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 14.02.2023).

зультаты 4 циклов федеральных и 3 циклов региональных выборов в 82 субъектах РФ.

Для того, чтобы оценить специфику партийно-электоральной конкуренции в регионах, по всем выборам депутатов Думы была рассчитана разница (девиация) между результатами голосования за «Единую Россию» (ЕР) в регионе и по России в целом. Поскольку региональные выборы проходят в разное время, здесь для аналогичных расчетов вместо общероссийских результатов использовалось среднее по регионам значение голосования за ЕР. Во многих случаях девиации имеют разный знак, поэтому просто взять среднее значение отклонений по всем циклам выборов было бы не вполне некорректно, по крайней мере для тех случаев, когда вследствие большого разброса положительные и отрицательные значения компенсируют друг друга. Вместо этого был разработан ранговый показатель.

Сначала были сопоставлены региональные значения девиации на разных электоральных циклах, что позволило выделить несколько групп регионов. Первая группа – 31 субъект РФ, где девиация всегда отрицательная. К ним примыкают 12 случаев, где девиация почти всегда отрицательная (1 исключение из 7 циклов или 2, но в первых по времени циклах). Вторая группа – 17 субъектов РФ, где девиация всегда положительная. К ним примыкают 5 регионов, где девиация почти всегда положительная (1 исключение из 7 циклов). Таким образом, направление девиации в подавляющем большинстве регионов достаточно стабильно, и для них были рассчитаны средние значения девиации по всем 7 электоральным циклам. Есть, однако, и третья группа из 17 субъектов РФ, где направление девиации существенно меняется на протяжении рассматриваемого периода. Среди них можно отдельно выделить 8 регионов, где некая тенденция все же просматривается: 1) от позитивной девиации к негативной (Мари Эл, Ульяновская и Челябинская области, Чукотка); 2) от негативной девиации к позитивной (Волгоград-

ская, Нижегородская, Тульская области и Ставропольский край).

Затем, опираясь на эту группировку, был рассчитан ранговый показатель девиаций голосования за ЕР в регионах – «Dev-RANGE». Регионам третьей группы было присвоено значение «0», а при наличии тенденции позитивной девиации «1» и негативной – «-1». Регионам первой группы – от 2 до 10 в соответствии интервалами в 5%: если девиация до «4,99» – «2», от «5» до «9,99» – «3», от «10» до «14,99» – «4» и т.д. Максимальное значение девиации здесь составляет 40,82% в Чечне, которая получила ранг «10». Аналогично присваивались ранговые значения регионам второй группы: девиация до «-4,99» – «-2»; от «-5» до «-9,99» – «-3» и т.д. Минимальное ранговое значение составило «-5» для Кировской области и Карелии. Группировка и ранговые значения всех субъектов РФ представлены в приложении.

Волатильность региональных партийных систем

Для измерения волатильности региональных партийных систем использован индекс волатильности Педерсена [11], который широко применяется в сравнительных исследованиях [см., например, 6; 12]. Разница в итогах голосования за каждую партию на двух последовательных выборах берется по модулю, затем полученные результаты суммируются и во избежание «двойного счета» делятся на «2»:

$$\text{Volatility} = \frac{\sum_{i=1}^n |p_{it} - p_{i(t+1)}|}{2},$$

где p_{it} – процент голосов, полученных партией на выборах «t», а $p_{i(t+1)}$ – процент голосов, полученных партией на следующих выборах.

Поскольку у нас 4 электоральных цикла федеральных выборов и 3 – региональных, всего получается 5 показателей волатильности (их значения рассчитывались на основании итогов голосования только за 4 партии):

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

1) «*VolatDuma-1*»: волатильность между выборами Думы в 2007 и 2011 гг.;

2) «*VolatReg-1*»: волатильность между региональными выборами, которые состоялись в 2007–2011 и 2012–2016 гг.;

3) «*VolatDuma-2*»: волатильность между выборами Думы в 2011 и 2016 гг.;

4) «*VolatReg-2*»: волатильность между региональными выборами, которые состоялись в 2012–2016 и 2017–2021 гг.;

5) «*VolatDuma-3*»: волатильность между выборами Думы в 2016 и 2021 гг.

Для обобщения было также рассчитано среднее значение всех 5 показателей – «*Volat-Aver*». Описательная статистика по всем показателям волатильности приве-

дена в табл. 1, а на рис. 1 представлены ящичные диаграммы. Кроме того, аналогичные показатели волатильности были рассчитаны для каждой из четырех политических партий отдельно.

Анализ показывает, что с точки зрения сравнения электоральных циклов, в целом характеристики волатильности остаются достаточно стабильными, за исключением, пожалуй, «*VolatDuma-1*», где она явно выше. Вероятно, это объясняется общими характеристиками выборов в Думу 2011 г., когда поддержка ЕР существенно снизилась. Во всех остальных циклах средние значения и медианы волатильности колеблются в районе 10%, а

Таблица 1.

Описательная статистика показателей волатильности

Показатель	Volat Aver	Volat Duma 1	Volat Reg 1	Volat Duma 2	Volat Reg 2	Volat Duma 3
Среднее	12,21	17,23	9,73	11,26	11,58	11,23
Медиана	12,31	18,68	9,07	11,49	10,72	11,57
Ст.откл.	5,47	7,76	4,27	4,39	6,51	4,41
Минимум	1,02	0,16	1,37	2,11	0,87	0,59
Максимум	28,66	30,34	21,73	21,10	45,70	24,45

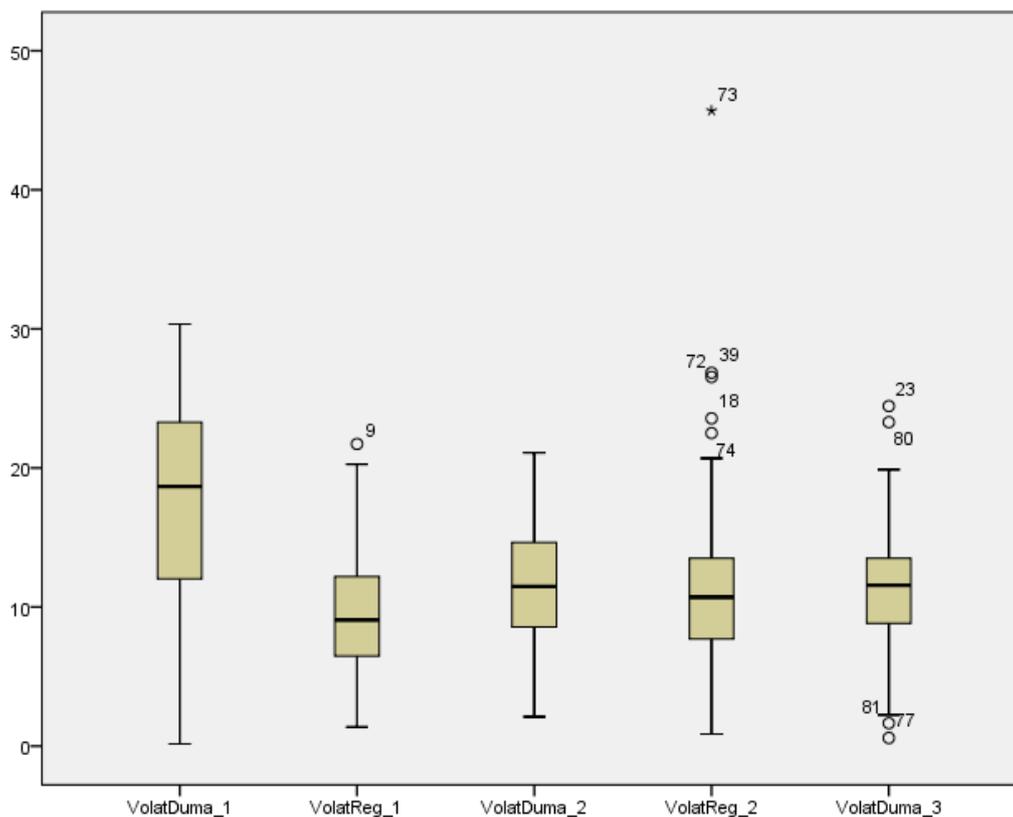

Рис. 1. Ящичные диаграммы волатильности по электоральным циклам

стандартные отклонения составляют около 5%. Это хорошо видно на ящичной диаграмме. На региональных выборах волатильность несколько ниже, чем на федеральных, но не существенно.

Есть регионы, где значения волатильности близки к «0». По «VolatReg-1» это Челябинская область (1,37), Тюменская область (2,51); «VolatReg-2» – Чечня (0,87) и Кабардино-Балкария (1,45), «VolatDuma-2» – Чечня (2,11), ЯНАО (2,63) и Северная Осетия (2,96), «VolatDuma-3» – снова Чечня (0,59) и ЯНАО (1,65), а также Брянская область (2,25), Кабардино-Балкария (2,36), Тыва (2,71). Тем не менее, в последних двух циклах обнаруживается достаточно много аутлайеров, особенно по показателю «VolatReg-2». Здесь обращает на себя внимание Хабаровский край (№73 на диаграмме – 45,70%), и это, очевидно, связано с победой кандидата ЛДПР С. Фургала на губернаторских выборах и последовавшим за этим превращением ЛДПР в региональную партию власти, что сопровождалось экстраординарными результатами этой партии на выборах регионального парламента в 2019 г. (56,12% голосов). Без этого случая максимальное положительное значение составляет примерно столько же, сколько в других циклах (26,85 в Мари Эл).

Вместе с тем, в кроссрегиональном измерении показатели волатильности от цикла к циклу весьма нестабильны. Об этом говорят низкие значения коэффициентов корреляции между циклами. На региональных выборах корреляция между двумя циклами всего «0,135» и не имеет статистической значимости. На выборах в Думу корреляция между «VolatDuma-1» и «VolatDuma-2» составляет «0,505**»; между «VolatDuma-1» и «VolatDuma-3» – «0,322**», а между «VolatDuma-2» и «VolatDuma-3» – всего «0,203». Невысокая корреляция и между волатильностью на региональных и федеральных выборах.

У «VolatReg-1» коэффициент равен «0,228*» с «VolatDuma-1» и «0,491**» с «VolatDuma-2»; у «VolatReg-2» – «0,151» с «VolatDuma-2» и «0,430**» с «VolatDuma-3»².

Таким образом, можно говорить о том, что регионы радикально различаются по степени волатильности партийно-электорального ландшафта, значительная часть субъектов РФ демонстрирует высокую волатильность, при этом она сильно меняется от одного электорального цикла к другому.

Для того, чтобы отследить взаимосвязь между партийно-электоральной волатильностью и конкурентностью в регионах РФ, были, прежде всего, сопоставлены два индекса: «Dev-RANGE» и «Volat-Aver». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена оказался достаточно высоким – «-0,685**». Это говорит о том, что при увеличении степени доминирования ЕР в регионе (возрастании девиации голосования за ЕР в положительную сторону) волатильность существенно снижается. Иными словами, в более «жестких» режимах региональная партийная система более стабильна.

Однако остается вопрос, не оказывает ли такого же влияния увеличение девиации в отрицательную сторону. Для ответа на него была создана номинальная переменная «Dev-CODE», закодированная как «0» для третьей группы регионов, а также для тех регионов из первой и второй групп, где средняя девиация по модулю не слишком велика (не превышает 10%). Самым девиантным регионам были присвоены значения «2» (девиация более 10% в пользу ЕР) и «1» (девиация более 10%, но в обратную сторону). Разделив регионы на эти три категории, мы обнаруживаем (см. ящичную диаграмму на рис. 2), что волатильность снижается только в регионах с сильной девиацией в пользу ЕР. Регионы категории «1», напротив, демонстрируют даже более вы-

² Здесь и далее: * - корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); ** - корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

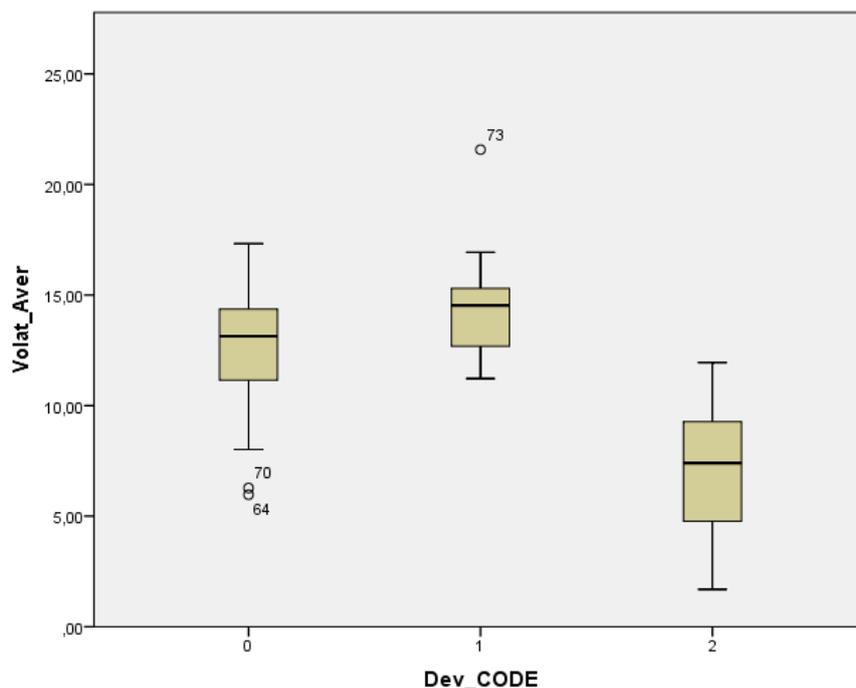

Рис. 2. Ящичные диаграммы волатильности по категориям регионов

сокую волатильность по сравнению с «нулевой категорией». Следовательно, волатильность связана исключительно с девиантностью регионов от общероссийских показателей в пользу доминирования партии власти.

Об этом же свидетельствует и перечень регионов с 10 минимальными и 10 максимальными значениями волатильности партийной системы (см. табл. 2). Среди регионов с минимальной волатильно-

стью нет ни одного с ранговым показателем девиаций голосования за ЕР ниже «4». И наоборот, среди регионов с максимальной волатильностью немало тех, где очень низкое ранговое значение, включая Кировскую область, одну из тех, что имеют минимальное значение «Dev-RANGE».

Поскольку регионы с наиболее «жестким» режимом стабильно голосуют за ЕР, а доля голосов за другие партии достаточно низкая, волатильность региональной

Таблица 2.

Регионы с минимальными и максимальными значениями волатильности партийной системы

Минимальные значения / ранг			Максимальные значения / ранг		
Чечня	1,69	10	Мурманская область	15,87	-4
ЯНАО	4,48	5	Волгоградская область	15,89	1
Тыва	4,58	8	Липецкая область	16,18	0
Карачаево-Черкесия	4,73	7	Владимирская область	16,55	-3
Дагестан	4,81	7	Кировская область	16,67	-5
Кабардино-Балкария	5,94	6	Ярославская область	16,74	-4
Тамбовская область	5,97	3	Ленинградская область	16,89	-3
Тюменская область	6,27	3	Архангельская область	16,93	-4
Татарстан	7,09	7	Ульяновская область	17,32	-1
Краснодарский край	7,40	4	Хабаровский край	21,58	-4

партийной системы, разумеется, будет слабой. Но в данном случае заслуживает внимания то, что волатильность оказывается самой сильной в регионах с наиболее «мягким» режимом. Это говорит о том, что избиратели, не поддерживающие ЕР, голосуют не стабильно за какую-то одну из оппозиционных партий, а меняют свои предпочтения от выборов к выборам. Чтобы подтвердить этот вывод, необходимо проанализировать волатильность отдельных политических партий.

Волатильность политических партий в регионах

Следует заметить, что сравнивать абсолютные значения волатильности (в процентах) политических партий некорректно, поскольку очевидно, что при прочих равных условиях более высокие абсолютные значения сопровождаются и более высокой волатильностью. Иначе говоря, у ЕР они будут неизбежно выше, чем у других партий. Однако можно проанализировать (а) – корреляции между волатильностью в разных циклах у отдельных партий; (б) – корреляции между волатильностью разных политических партий в одном цикле.

Коэффициенты корреляции между волатильностью результатов отдельных партий в разных циклах представлены в табл. 3.

Больше всего статистически значимых корреляций у ЛДПР: в 7 из 10 возможных вариантов корреляций коэффициенты ста-

тистически значимы. Следовательно, в кроссрегиональном разрезе у этой партии наблюдаются наиболее синхронные колебания в результатах. Меньше всего статистически значимых корреляций (две) у ЕР, то есть эта партия демонстрирует наиболее асинхронные изменения в электоральной поддержке. Эта тенденция сохраняется и в том случае, если не учитывать 3 наименее вероятных варианта корреляций (выделены серой заливкой), когда речь идет о взаимосвязи между циклами, отдаленными друг от друга по времени, например, корреляция между «Volat Reg 1» (волатильность между региональными выборами 2007–2011 гг. и 2012–2016 гг.) и «Volat Duma 3» (волатильность между выборами Думы 2016 и 2021 гг.). В этом случае у ЛДПР статистически значимы коэффициенты в 4 случаях из 7; у ЕР – 2 из 7; КПРФ и СР – по 3 из 7.

Чаще всего статистически значимые корреляции наблюдаются между хронологически «близкими» циклами региональных и федеральных выборов. Между «Volat Reg 1» (волатильность между региональными выборами 2007–2011 гг. и 2012–2016 гг.) и «Volat Duma 2» (волатильность между выборами Думы 2011 и 2016 гг.). достаточно высокие коэффициенты у всех партий. Примерно та же ситуация, за исключением СР, между «Volat Reg 2» (волатильность между региональными выборами 2012–2016 гг. и 2017–2021 гг.) и «Volat Duma 3» (волатильность между выборами Думы 2016 и 2021 гг.). В значительной ме-

Таблица 3.

Коэффициенты корреляции между волатильностью результатов политических партий в разных электоральных циклах

Партия	Volat Reg 1 / Volat Reg 2	Volat Reg 1 / Volat Duma 1	Volat Reg 1 / Volat Duma 2	Volat Reg 1 / Volat Duma 3	Volat Reg 2 / Volat Duma 1	Volat Reg 2 / Volat Duma 2	Volat Reg 2 / Volat Duma 3	Volat Duma 1 / Volat Duma 2	Volat Duma 1 / Volat Duma 3	Volat Duma 2 / Volat Duma 3
ЕР	0,085	-0,087	0,311**	-0,130	-0,059	0,056	0,392**	-0,053	-0,043	0,049
КПРФ	0,028	0,161	0,486**	0,080	0,345**	-0,027	0,415**	0,499**	0,273*	0,083
СР	-0,003	0,531**	0,630**	-0,100	-0,030	-0,030	0,207	0,757**	-0,066	0,023
ЛДПР	0,148	0,175	0,360**	0,336**	0,482**	0,299**	0,499**	0,080	0,563**	0,524**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя);

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

ре это связано не только с хронологической близостью, но и с тем, что в 39 субъектах РФ выборы региональных парламентов проходят одновременно с выборами Государственной Думы, и это ведет к тому, что партии получают схожие результаты на региональных и федеральных выборах.

Между волатильностью последовательных циклов региональных выборов («Volat Reg 1 / Volat Reg 2»), напротив, корреляции отсутствуют у всех партий. Это еще раз говорит о том, что в кроссрегиональном разрезе волатильность голосования за партии неустойчива, то есть в одном цикле она выше или ниже в одних регионах, а в следующем – в других субъектах РФ. На думских выборах (три крайних столбца справа в табл. 3) подобная ситуация только у ЕР, тогда как у КПрФ и ЛДПР два коэффициента из трех имеют статистическую значимость

Коэффициенты корреляции между волатильностью у разных политических партий в одном цикле представлены в табл. 4.

Поначалу («VolatDuma-1», то есть волатильность между выборами Думы в 2007 и 2011 гг.) наблюдаются весьма высокие и статистически значимые коэффициенты корреляции у всех политических партий. Вероятно, это опять-таки связано со спецификой выборов 2011 г., когда поддержка ЕР существенно снизилась, а протестные голоса распределились между всеми партиями системной оппозиции: КПрФ получила 19,19% голосов (по сравнению с 11,57% в 2007 г.), СР – 13,24% (7,74% в 2007 г.), ЛДПР – 11,67% (8,14% в 2007 г.).

Но затем значения коэффициентов

резко падают. В цикле «VolatDuma-2» статистически значимая корреляция обнаруживается только между волатильностью у КПрФ и СР, что, вероятно, связано с «перетоком голосов» от СР к КПрФ в 2016 г. В цикле «VolatDuma-3» статистически значимая корреляция наблюдается у КПрФ как с ЕР, так и в ЛДПР, то есть достаточно высокий результат КПрФ на выборах 2021 г. (18,93% по сравнению с 13,34% в 2016 г.) был достигнут за счет резкого падения у ЛДПР (с 13,14% до 7,55%) и некоторого снижения у ЕР (с 54,20% до 49,82%).

Взаимосвязь между волатильностью КПрФ и ЕР прослеживается и на региональных выборах, где статистически значимые коэффициенты обнаруживаются в обоих циклах («VolatReg-1» и «VolatReg-2»). Кроме того, в первом случае значимый коэффициент есть еще и между КПрФ и ЛДПР, а во втором – между ЕР и ЛДПР.

Все это подтверждает вывод, что в целом по России волатильность итогов голосования за партию власти связана не с какой-то конкретной партией системной оппозиции, а с разными. Иными словами, «протестные голоса» распределяются либо между всеми оппозиционными партиями (как в 2011 г.), либо уходит то одной, то другой, причем по-разному и в разных регионах, и на разных выборах. Хотя именно у КПрФ волатильность чаще коррелирует с ЕР, но и она отнюдь не всегда и не везде рассматривается как «главная» альтернатива партии власти. Существенная часть избирателей меняет свои предпочтения, голосуя то за КПрФ, то за

Таблица 4.

Коэффициенты корреляции между волатильностью результатов разных политических партий в одном электоральном цикле

Volat	ЕР / КПрФ	ЕР / СР	ЕР / ЛДПР	КПрФ / СР	КПрФ / ЛДПР	СР / ЛДПР
VolatDuma-1	0,698**	0,736**	0,700**	0,237*	0,391**	0,329**
VolatDuma-2	0,189	0,127	0,080	0,388**	-0,115	0,052
VolatDuma-3	0,403**	0,152	-0,181	0,100	0,294**	0,076
VolatReg-1	0,266*	0,101	0,036	0,111	0,391**	-0,035
VolatReg-2	0,348**	0,113	0,332**	0,111	0,090	-0,002

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя);
 ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

ЛДПР, о чем говорит наличие корреляции между ними в ряде случаев.

Вместе с тем, если анализировать отдельные регионы, то в некоторых случаях обнаруживаются специфические «источники» волатильности, когда она связана с какой-то одной партией. Например, в Хабаровском крае, где значения волатильности максимальные (21,58%), она «достигается» за счет ЕР и ЛДПР, тогда как у КПРФ и СР волатильность довольно низкая. Это объясняется тем, что, хотя в целом по России партии системной оппозиции намного слабее, чем партия власти, некоторые регионы обладают специфическим партийно-электоральным ландшафтом, а именно относительно сильными региональными отделениями той или иной оппозиционной партии. Если партия обладает достаточно сильными позициями в регионе, именно она в первую очередь «приобретает» голоса, потерянные другими партиями. В том же Хабаровском крае ЛДПР еще в 2007 г. получила на выборах 13,39% голосов (четвертое место среди регионов), в 2011 – 19,82% (третье место), в 2016 – 25,01% (снова третье место).

Похожая картина в Ульяновской области, второго по степени волатильности партийной системы региона страны, где традиционно сильные позиции у КПРФ. Поскольку именно КПРФ в первую очередь получает «протестные голоса», у нее увеличиваются и показатели волатильности. Если ранжировать все регионы по средним значениям волатильности отдельных партий, ЕР в Ульяновской области занимает 5-е место, КПРФ – 3-е место, тогда как СР только 23-е, а ЛДПР 35-е.

Следовательно, высокие показатели волатильности партии не обязательно говорят о ее слабости, может быть и наоборот, так что их надо сопоставлять с абсолютными показателями партии на выборах разного уровня. При этом анализ показывает, что в большинстве регионов явного превосходства какой-то одной пар-

тии среди системной оппозиции не наблюдается. Например, во Владимирской области (7-й регион по степени волатильности партийной системы) наиболее высокую волатильность демонстрирует КПРФ (4-место по регионам), но результаты этой партии на выборах достаточно скромные, так что вряд ли можно говорить, что КПРФ здесь рассматривается как явная альтернатива ЕР. Косвенно это подтверждается и тем, что у других партий здесь также достаточно высокая волатильность: владимирские ЛДПР и СР находятся в двадцатке самых волатильных по регионам.

* * *

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что субъекты РФ радикально различаются по степени стабильности / волатильности партийно-электорального ландшафта. Наибольшую стабильность демонстрируют регионы с «жестким» политическим режимом. Напротив, самая высокая волатильность региональных партийных систем обнаруживается в регионах с наиболее «мягким» режимом. Это объясняется тем, что в большинстве субъектов РФ ни одна из партий системной оппозиции не воспринимается в качестве явной альтернативы партии власти. В результате «протестные голоса» распределяются либо между всеми оппозиционными партиями, либо уходят то одной, то другой, причем по-разному и в разных регионах, и на разных выборах. Вместе с тем, в отдельных регионах есть достаточно сильные региональные отделения той или иной оппозиционной партии, которая становится в регионе «главной оппозицией» и, как правило, «приобретают» голоса, потерянные другими партиями. Поэтому для характеристики партийно-электорального ландшафта в отдельных регионах показатели волатильности следует рассматривать в комбинации с результатами отдельных партий.

Группировка регионов России по девиациям голосования за ЕР

Регион	Средняя девиация	Ранговое значение	Регион	Средняя девиация	Ранговое значение
<i>Первая группа (стабильно положительная девиация)</i>					
Чечня	40,82	10	Саратовская область	13,21	4
Тыва	30,42	8	Пензенская область	11,94	4
Ингушетия	30,38	8	Краснодарский край	10,69	4
Мордовия	29,51	7	Северная Осетия	10,17	4
Дагестан	27,77	7	Адыгея	9,91	3
Татарстан	26,91	7	Тамбовская область	8,76	3
Карачаево-Черкесия	25,93	7	Брянская область	8,40	3
Кабардино-Балкария	23,94	6	Ростовская область	7,58	3
Кемеровская область	21,97	6	Воронежская область	6,96	3
Башкортостан	17,88	5	Белгородская область	6,38	3
ЯНАО	16,54	5	Тюменская область	5,12	3
<i>Третья группа (нестабильная девиация)</i>					
Волгоградская область	–	1	Липецкая область	–	0
Нижегородская область	–	1	Магаданская область	–	0
Ставропольский край	–	1	Рязанская область	–	0
Тульская область	–	1	Удмуртия	–	0
Астраханская область	–	0	Мари Эл	–	-1
Еврейская АО	–	0	Ульяновская область	–	-1
Калмыкия	–	0	Челябинская область	–	-1
Коми	–	0	Чукотка	–	-1
Курганская область	–	0			
<i>Вторая группа (стабильно отрицательная девиация)</i>					
Бурятия	-3,28	-2	Оренбургская область	-10,61	-4
Якутия	-4,00	-2	Новосибирская область	-10,97	-4
Курская область	-4,18	-2	Иркутская область	-11,55	-4
Калужская область	-4,83	-2	Архангельская область	-11,62	-4
Сахалинская область	-4,96	-2	Пермский край	-11,64	-4
Алтай	-5,34	-3	Костромская область	-11,99	-4
Ивановская область	-5,86	-3	Ненецкий АО	-12,60	-4
ХМАО	-6,11	-3	Томская область	-12,67	-4
Самарская область	-6,38	-3	Ярославская область	-12,81	-4
Чувашия	-6,64	-3	Красноярский край	-13,03	-4
Камчатский край	-6,83	-3	Свердловская область	-13,13	-4
Ленинградская область	-7,45	-3	Хабаровский край	-13,23	-4
Забайкальский край	-8,57	-3	Новгородская область	-13,59	-4
Орловская область	-8,81	-3	Омская область	-13,62	-4
Смоленская область	-9,11	-3	Приморский край	-13,64	-4
Московская область	-9,20	-3	Мурманская область	-13,91	-4
Владимирская область	-9,68	-3	Вологодская область	-14,00	-4
Тверская область	-10,08	-4	Санкт-Петербург	-14,13	-4
Хакасия	-10,08	-4	Алтайский край	-14,55	-4
Калининградская область	-10,13	-4	Кировская область	-16,16	-5
Псковская область	-10,15	-4	Карелия	-17,14	-5
Амурская область	-10,28	-4			

Библиографический список

1. Гайворонский Ю.О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // Полития. – 2015. – № 2. – С. 21–37.
2. Кынев А.В. Выборы региональных парламентов в России 2014–2020. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2021. – 1216 с.
3. Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. – 2005. – № 4. – С. 161–202.
4. Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. – 2012. – № 3. – С. 100–120.

5. Щербак А.Н., Сенников Е.В., Лисовский Т.А. Экономическое голосование на выборах 2011–2012 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 4. – С. 168–183.
6. Chiaramonte A., Emanuele V. Party system volatility, regeneration and de-institutionalization in Western Europe (1945–2015) // Party Politics. – 2017. – № 4. – P. 376–388.
7. Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. – 2006. – № 2. – P. 365–381.
8. Libman A. Subnational Political Regimes and Formal Economic Regulation: Evidence from Russian Regions // Regional and Federal Studies. – 2017. – № 2. – P. 127–151.
9. Obydenkova A., Libman A. National autocratization and the survival of sub-national democracy: Evidence from Russia's parliamentary elections of 2011 // Acta Politica. – 2013. – № 4. – P. 459–489.
10. Panov P., Ross C. Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime // Europe-Asia Studies. – 2019. – № 2. – P. 268–289.
11. Pedersen M.N. The dynamics of European party systems: Changing patterns of electoral volatility // European Journal of Political Research. 1979. – № 7. – P. 1–26.
12. Powell E., Tucker J. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results and New Approaches // British Journal of Political Science. – 2014. – № 1. – P. 123–147.
13. Ross C., Panov P. The Range and Limitation of Sub-National Variations under Electoral Authoritarianism: The Case of Russia // Regional & Federal Studies. – 2019. – № 3. – P. 355–380.
14. Saikkonen I. Variation in subnational electoral authoritarianism: evidence from the Russian Federation // Democratization. – 2016. – № 3. – P. 437–458.

PARTY AND ELECTORAL LANDSCAPE IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: STABILITY VERSUS VOLATILITY

P.V. Panov

Institute of Humanitarian Studies UB RAS

For citation:

Panov P.V. Party and electoral landscape in the regions of the Russian federation: stability versus volatility: stability versus volatility // Perm Federal Research Center Journal. – 2023. – № 2. – P. 42–52. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2023.2.4>

The regions of Russia demonstrate a high degree of variability in voting for political parties in elections at various levels. This is explained by the fact that in regions with a «hard» political regime, the ruling party dominates the political space, while in «softer» regimes there is a certain degree of electoral competition. In this paper, based on the results of voting for party lists in the elections of the State Duma of the Russian Federation and regional parliaments for the period from 2007 to 2021, it is analyzed how stable the variability of the party and electoral landscape in the constituent entities is, and how the degree of dominance of the ruling party affects the volatility of regional party systems. The analysis shows that the greatest stability is demonstrated by the regions with a «hard» political regime, while the highest volatility of regional party systems is characteristic of the regions with the most «soft» regime. This is explained by the fact that in most constituent entities of the Russian Federation none of the parties of the systemic opposition is perceived as an obvious alternative to the party of power. As a result, «protest votes» are distributed either among all opposition parties, or go to one or the other party, and differently in different regions and in different elections. At the same time, in some regions there are fairly strong regional branches of one or another opposition party, which becomes the «main opposition» in the region and, as a rule, receives the votes lost by other parties.

Keywords: parties, elections, regions, political regime, volatility, cross-regional variations.

Сведения об авторе

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН («ИГИ УрО РАН»), 614990, г. Пермь, ул. Генкеля, 4; e-mail: panov.petr@gmail.com.

Материал поступил в редакцию 06.03.2023г.